

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

(На материале русского языка)

Проблема взаимодействия и взаимоотношений между грамматическими категориями и частями речи не может быть освещена без ясного определения соответствующих лингвистических терминов.

В дискуссионной статье Н. С. Поспелова «Соотношение между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке»¹ вопрос о содержании главных для статьи терминов остался неосвещенным. А ведь известно, что единства понимания терминов «грамматическая категория», «грамматическое значение», «грамматическая форма» в нашей лингвистической литературе пока нет, что в какой-то мере связано и с разнообразием в понимании и применении термина «грамматика».

Вопреки имеющимся в науке совершенно ясным указаниям на то, что термин «грамматика» двузначен, он применяется многими авторами без надлежащего внимания к этой его особенности и потому сбивчиво и неясно. Это обстоятельство оказывается причиной нежелательного смешения представлений о грамматическом строе языка с представлениями о науке, этот строй изучающей. Так, например, Н. С. Поспелов в статье «Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка»² неоднократно допускает смешение двух значений термина «грамматика». Во втором абзаце раздела, озаглавленного «Грамматика как наука о грамматическом строе языка», определение грамматики как собрания правил об изменении слов и сочетании слов в предложении переносится на грамматику как науку, в то время как это определение должно быть отнесено к грамматике языка. В том же абзаце марксистское положение, согласно которому язык именно благодаря грамматике получает возможность облечь мысли в материальную языковую оболочку, дано в таком контексте, что становится совершенно неясно, относит ли автор статьи это положение к грамматике языка или к грамматике как науке.

Определение И. В. Сталиным отличительной черты грамматики отнесено в статье Н. С. Поспелова (в третьем абзаце указанного выше раздела) к грамматике как науке, в то время как оно, несомненно, должно быть отнесено к грамматике языка.

В результате смешения и неразличения двух значений термина «грамматика» Н. С. Поспелов допускает серьезные неточности. Главная из них заключается в том, что, говоря о методе науки, Н. С. Поспелов привлекает для подтверждения своей мысли цитату, определяющую отличительную особенность грамматического строя; тем самым между наукой и изучаемым ею объектом как бы ставится знак равенства; объективная абстракция, развивающаяся в грамматическом строе языка независимо от воли и желания отдельных людей, незаметно для автора и читателя подменяется абстракцией, возникающей в голове ученого-грамматиста при исследовании грамматических категорий языка.

Неразличение и смешение двух значений термина «грамматика» сказались в той же статье и на истолковании понятия грамматической категории: «...грамматические категории каждого языка должны устанавливаться в пределах того или иного языка путем абстрагирования от конкретного языкового материала, а не по принципам единой всеобщей грамматики»; «...грамматические категории представляют собою общие понятия грамматики, определяющие характер грамматического строя языка, которые находят свое выражение в изменении слов и в сочетании слов в предложениях. В анализе грамматического строя того или другого языка грамматические категории оказываются различными степенями абстракции от частного и конкретного в словах и предложениях»³. Коль скоро грамматические категории должны устанавливаться в том или ином языке и коль скоро они оказываются различными степенями абстракции в анализе грамматического строя, можно подумать, что они представляются Н. С. Поспелову научными понятиями, а не объективно присутствующим языку составными и необходимыми элементами его грамматического строя. Таким образом, и в этом случае налицо смешение различных по своей специфике и природе явлений: объекта научного исследования и отражения этого объекта в научных взглядах и теориях.

Читатель не найдет сколько-нибудь ясного различения и разграничения грамматики языка и грамматики как науки и в статье П. С. Кузнецова «Грамматика»⁴. Правда, эта статья начинается с упоминания о двух значениях термина «грамматика».

¹ ВЯ, 1953, № 6.² Сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1952.³ Н. С. Поспелов, Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка, стр. 111 и 112 (разрядка в цитатах моя.—Б. Г.).⁴ БСЭ², т. 12, стр. 423—430.

Однако в процессе дальнейшего изложения двузначность этого термина забывается и речь, повидимому, идет о грамматике как науке. Во всяком случае можно думать, что до второго абзаца второго столбца страницы 424 названной статьи излагаются сведения о науке. И поскольку нигде до этого не делается ни малейшего намека на то, что излагаемые сведения должны быть отнесены к грамматике языка, читатель вправе отнести их и, естественно, относит к грамматике как науке. А между тем выше в статье говорится о необходимости грамматики для языка, об отличительной черте грамматики, об обобщающем характере ее правил, т. е. о таких признаках, которые присущи грамматике языка, или, иначе, грамматическому строю.

Читатель-языковед остается в недоумении по поводу того, как же представляет себе П. С. Кузнецов различия и связи между грамматикой языка и грамматикой как наукой, а читатель-неязыковед невольно может приписать грамматике как науке не свойственную ей роль структурной стороны языка.

К сожалению, непоследовательность в применении термина «грамматика» в различных его значениях обнаруживается и в «Грамматике русского языка», выпущенной в свет Институтом языкознания АН СССР¹.

В § 2 этого труда (стр. 8) термины «грамматика» и «грамматический строй» взаимозаменяются, причем первый из них, как правило, употребляется для указания на грамматику как науку. Возникает та же самая неясность относительно признаков каждой из двух «грамматик». В книге допущено даже прямое смешение особенностей грамматического строя и науки о нем (см. тот же § 2).

Таким образом, в ряде языковедческих работ последнего времени обнаруживается неразличение двух значений термина «грамматика»: а) грамматический строй и б) наука о грамматическом строе. Это обстоятельство не может не исказить понимания действительного соотношения между объективно присущими языку грамматическими правилами, законами, категориями и их отражением в научных понятиях и формулах.

Грамматика языка представляет собою систему объективно действующих в языке правил, которым подчиняются изменения слов и сочетания их для построения предложений; эти правила развиваются по внутренним языковым законам и выявляются в системе присущих языку грамматических категорий. Именно они, эти объективно существующие в языке правила и нормы, придают языку стройный, осмысленный характер, именно в их распоряжение поступает словарный материал в процессе речевого общения; именно они являются результатом длительной абстрагирующей работы человеческого мышления. Так, мне кажется, следует понимать соответствующие положения марксистской науки о языке.

Грамматические правила и нормы, выявляющиеся в системе грамматических категорий, отражаются в понятиях грамматической науки, которая не может изменить процессы развития грамматического строя языка, но может все полнее и глубже познавать законы этого развития. Ясное и последовательное разграничение понятий о грамматике языка и грамматике как науке — одно из необходимых условий успешного разрешения различных грамматических проблем, в частности, проблемы грамматических категорий в их взаимосвязи и в их отношении к лексике.

*

Можно назвать несколько работ последнего времени, авторы которых излагают свое понимание грамматической категории². В некоторых из этих работ намечается попытка пересмотреть принципиальное понимание сущности грамматических категорий, изложенное в трудах проф. А. М. Пешковского, акад. Л. В. Щербы, акад. В. В. Виноградова и принятое практикой научного исследования грамматического строя русского языка.

А. М. Пешковский следующим образом определял грамматическую («формальную», по его терминологии) категорию: «Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имсией, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику»³. Пешковскому удалось в этом определении син-

¹ «Грамматика русского языка», т. I — Фонетика и морфология, М., Изд-во АН СССР, 1952.

² См., например: «Грамматика русского языка», т. I — Фонетика и морфология, М., Изд-во АН СССР, 1952; «Современный русский язык. Морфология» (курс лекций), под ред. В. В. Виноградова, Изд-во Моск. ун-та, 1952; Р. А. Будагов, Очерки по языкознанию, М., Изд-во АН СССР, 1953; Н. С. Поспелов, Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», Изд-во Моск. ун-та, 1952; П. С. Кузнецов, Грамматика [статья], БСЭ², т. 12.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1938, стр. 57.

тезировать взгляды на грамматическую категорию, высказанные А. А. Шахматовым и Ф. Ф. Фортунатовым, и преодолеть, как мне кажется, односторонность каждого из этих взглядов. Ведь в языке нет независимого от формально-грамматических признаков грамматического значения (или «понятия»), как нет в нем и независимых от грамматического значения слова его формально-грамматических признаков. Именно этот общепризнаваемый факт и нашел отражение в определении формальной категории предложением А. М. Пешковским.

Л. В. Щерба различал в грамматических категориях содержание, значение и форму, внешние, формальные признаки категорий. «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и в с е х ее формальных признаков»¹. Очевидно, что для Л. В. Щербы категория представлялась единством грамматического значения и его формально-морфологических признаков, хотя некоторые высказывания Л. В. Щербы и могут вызвать предположение о том, что он придерживался шахматовского взгляда на категорию как грамматическое понятие.

В. В. Виноградов в книге «Русский язык» последовательно рассматривает грамматические категории как системы форм, объединенных единством значения и синтаксических функций². На протяжении всей книги он анализирует различные грамматические категории современного русского языка, неизменно вскрывая в каждой из них единство значений и формальных признаков.

В некоторых грамматических работах последнего времени делается попытка возвратиться в повивалии грамматических категорий к взглядам А. А. Шахматова. Грамматические категории нередко рассматриваются то как «общие, характерные для данного языка грамматические значения»³, «значения обобщенного характера, свойственные словам, но отвлеченные от конкретного значения этих слов»⁴, то как «грамматические понятия, находящие себе морфологическое или синтаксическое выражение»⁵ как «общие понятия грамматики, определяющие характер грамматического строя языка, которые находят свое выражение в изменении слов и в сочетании слов в предложениях»⁶, как «общие понятия грамматики, определяющие характер или тип строя языка и находящие свое выражение в изменении слов и в сочетании слов в предложениях»⁷. Эти и подобные определения сущности грамматических категорий не могут не вызвать к себе настроенного и критического отношения.

Давно узаконен в языкознании термин «грамматическое значение», соотносительный с термином «лексическое значение»; грамматическое значение всегда имеет обобщенный характер по отношению к лексическим значениям, хотя это и не исключает того факта, что лексические значения отдельных слов, в свою очередь, являются обобщениями по отношению к конкретно-чувственным образам действительности.

Поскольку наш язык звуковой, постольку любое значение слова, лексическое и грамматическое, выражено в звучащих единицах, любая смысловая часть слова оформлена материально, в звуках, т. е. является вместе с тем и материальной частью слова. Материальной формой выражения грамматических значений того или иного слова является вся совокупность его морфем: ведь ясно, что изолированный от остальных морфем слова формообразующий аффикс перестает быть аффиксом и выразителем грамматического значения; *ть, а, у, ы, ишь* — сами по себе не могут быть носителями грамматических значений. Однако не все морфемы того или иного слова необходимо связаны с определенным грамматическим значением. Так, в слове *пере-пал-ка* первые три морфемы не имеют необходимой связи со значением женского рода в единственного числа, поэтому они не обязательно для выражения этих грамматических значений, вместо них в других словах могут оказаться иные морфемы и в ином количестве, например *рек-а, сестр-иц-а, на-дом-и-щ-а* и т. п. Необходимой связью оказывается соединена с грамматическими значениями женского рода в единственного числа морфема *а*, поэтому она обязательна для выражения этих значений и не может быть заменена другими морфемами, по крайней мере в пределах большого круга слов. Вот такие именно морфемы, необходимой связью соединенные с тем или иным грамматическим значением, и являются одним из наиболее сильных типов формально-морфологических средств, выражающих различные грамматические значения.

Несмотря на то, что в самом языке грамматические значения слов и словосочетаний существуют в нерасторжимом единстве с формально-грамматическими средствами

¹ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, вып. II, Л., 1928, стр. 7.

² См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 38—39.

³ См. Н. С. Поспелов, Соотношение между грамматическими категориями и частями речи..., стр. 53.

⁴ П. С. Кузнецов, указ. статья, стр. 424.

⁵ Р. А. Будагов, указ. соч., стр. 148.

⁶ Н. С. Поспелов, Учение И. В. Сталина о грамматическом строе языка, стр. 112.

⁷ «Грамматика русского языка», т. I, стр. 9.

выражения этих значений, наука, в целях более полного и глубокого исследования языковых фактов, очень часто вынуждена бывает отвлекаться временно от реально существующего единства значений и их форм и рассматривать, в известных пределах, те и другие как бы существующими раздельно. Иными словами, грамматические значения и формально-грамматические средства их выражения оказываются в известной мере самостоятельными и различными объектами научного исследования. Однако наука нуждается не только в расчлененном осознании изучаемого объекта как состоящего из нескольких различных сторон — она не в меньшей мере нуждается в целостном отображении исследуемого объекта как сложного единства его различных сторон и проявлений. Реально существующее в языке единство грамматического значения и средств его формально-грамматического выражения есть один из важнейших объектов грамматического изучения. Это единство и называется грамматической категорией.

Грамматические категории могут быть основными, общими (части речи, члены предложения и т. д.) и сопутствующими основным, частными (вид, залог, наклонение; род, падеж, число и т. п.); степень грамматической абстракции, получившей закрепление в той или иной, общей или частной грамматической категории, разумеется, различна: различными оказываются и взаимосвязи отдельных общих и частных категорий друг с другом и с лексикой; однако все это не меняет принципиальной стороны дела: любая грамматическая категория по языковой природе своей представляет собой единство грамматического значения и выражающих это значение формально-грамматических признаков.

Если же грамматические категории считать «общими грамматическими значениями» «общими понятиями грамматики», хотя бы и выраженными морфологически или синтаксически (кстати, как это понять? Ведь сами грамматические значения являются необходимой составной частью и морфологии, и синтаксиса), возникает немало противоречий и непреодолимых затруднений.

Остается совершенно непонятным в этом случае, зачем нужно параллельное употребление двух терминов — «грамматическое значение» и «грамматическая категория»: ведь грамматическое значение всегда имеет обобщенный характер и всегда «морфологически и синтаксически» выражено (а этими двумя основными признаками и обладает, по мнению некоторых исследователей, грамматическая категория).

Если согласиться с теми, кто рассматривает грамматические категории как «предельно общие грамматические значения», то пришлось бы отнести к числу категорий предметность, качественность, значение процесса и т. п., но мы должны были бы исключить из числа грамматических категорий вид, залог, число, степени сравнения, а также предлоги, союзы и т. п., поскольку они не выступают в частных по отношению к ним грамматических значениях.

Если признать грамматическими категориями «общие грамматические значения», «общие понятия грамматики» и т. д., то остается неудовлетворенной настоятельная потребность лингвистической науки в наименовании того единства грамматического значения и выражающих его формально-грамматических признаков, изучением которого языковедение и должно заниматься.

Кроме того, понимание грамматических категорий как «общих понятий грамматики» с неизбежностью ставит вопрос о том, отличаются ли эти «общие понятия» от грамматических значений и если отличаются, то чем именно; признавая грамматическими категориями «общих понятий грамматики» не позволяет увидеть качественную разницу между грамматическими обобщениями, возникающими в процессе развития грамматического строя и имеющими всегда общепародный и объективный характер, и научными, логическими обобщениями (научными понятиями), которые несут на себе печать субъективного и нередко искаженного отражения действительности.

В признании грамматических категорий «общими грамматическими значениями», «общими понятиями грамматики» нетрудно увидеть то же самое смешение представлений о предмете—объекте научного исследования и отражений этого объекта в научных взглядах, примеры чего приводились выше. Действительно, термин «грамматическая категория» имеет два значения: а) реальное языковое единство грамматического значения и формально-грамматических средств его выражения; б) наиболее общее научное понятие, отражающее более или менее полно и точно реально существующие языковые грамматические категории. Так что совершенно необходимо отчетливо различать грамматические категории языка и грамматические категории науки; вторые являются лишь отображениями первых, а первые служат объектом отображения для вторых. Грамматика как наука, естественно, занимается изучением системы языковых грамматических категорий в процессе их исторического развития; что же касается содержания общих понятий грамматики как науки, то изучением развития этого содержания занимается, как известно, история грамматических учений.

Критикуемые здесь взгляды на грамматическую категорию свидетельствуют если не о смешении двух различных значений термина «грамматическая категория», то во всяком случае о невнимании к необходимости разграничения этих двух значений.

*

В дискуссионной статье Н. С. Поспелова¹ грамматические категории рассматриваются как общие, характерные для данного языка грамматические значения и противопоставляются частям речи как лексико-грамматическим разрядам слов. Вследствие этого одним из ведущих в статье оказывается положение о том, что в частях речи реализуются грамматические категории.

Это положение, как и обоснование всей проблемы соотношения частей речи и грамматических категорий в статье Н. С. Поспелова даны, мне кажется, не вполне убедительно. В самом деле, ведь части речи суть не что иное, как предельно широкие морфологические (значит, грамматические) категории любого языка. В одну и ту же часть речи слова объединяются вследствие того, что в них развиваются однородные, или однотипные грамматические значения, получающие однородное, или однотипное, формально-грамматическое выражение.

Предельно общие, основные морфологические категории (части речи) реализуются в частных категориях (надеж, род, число — в именах; вид, наклонение, время — в глаголах и т. п.) Основные грамматические значения той или иной части речи (значение предметности, качества и свойства, процесса и т. п.), реализуясь в грамматических значениях сопутствующих категорий, видоизменяются и развиваются в единстве и взаимосвязи с развитием последних. Основные морфологические категории (части речи) обладают каждая специфичными по качеству и количеству сопутствующими категориями, и в этой специфике сопутствующих категорий выявляется специфика основной категории. Иными словами, наблюдается сложное взаимодействие общего и частного и в этой области языка.

Наличие одноименных грамматических категорий в различных частях речи есть не что иное как одно из выявлений и обнаружений внутренних связей и зависимостей между самими частями речи как основными морфологическими категориями. И поэтому языковед интересуется прежде всего не то, какими именно частными, сопутствующими грамматическими категориями связаны основные категории (части речи), а то, почему именно данные, а не другие части речи объединяются одними и теми же сопутствующими грамматическими категориями и какова специфика одноименных сопутствующих категорий в разных частях речи.

Думается, что проблема взаимосвязи и взаимодействия частей речи и сопутствующих им грамматических категорий в действительности глубже и сложнее, нежели она выглядит в статье Н. С. Поспелова. Если даже не выходить за пределы морфологии, то, невидимому, можно говорить о следующих типах взаимосвязи и взаимодействия грамматических категорий.

1. Связи между частями речи по общности или сходству основных грамматических значений. К этому типу следует отнести связи и взаимодействия между наречиями и дееспричастиями; между именами прилагательными, именами числительными порядковыми, причастиями и местоимениями-прилагательными; между именами существительными и местоимениями-существительными и т. д.

2. Связи между частями речи по внутренней зависимости их основных грамматических значений. Примером этого типа зависимости может служить зависимость между именами существительными и именами прилагательными, глаголами и наречиями. Признак предмета зависит от самого предмета, признак процесса зависит от самого процесса; поэтому указанная связь между существительными и прилагательными, глаголами и наречиями с неизбежностью вытекает из специфики грамматического значения соответствующих частей речи.

3. Связи между частями речи по общности или сходству их частных грамматических категорий. Связью этого типа соединяются имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения и причастия (общностью категории надеж); имена прилагательные качественные и наречия (общностью степеней сравнения); причастия, имена прилагательные, порядковые числительные (общностью категории рода) и т. д.

4. Зависимость между частями речи по способности создавать однотипные грамматические связи в словосочетании. Этот тип зависимости внутренне неоднороден: в нем выделяются такие связи между частями речи, как связь причастия и прилагательного (одинаково вступают в согласование с именами существительными), существительного и глагола (могут одинаково управлять существительными, одинаково присоединять к себе наречия: *выехать из города* и *выезд из города пуговица из перламутра* и *сделать из перламутра, кисть для бритвы* и *купить для друга; чтение вслух* и *читать вслух, труд на себя*, и *работать на себя, разговор впустую* и *разговаривать впустую* и т. п.), наречия и дееспричастия, дееспричастия и существительного и т. д.

¹ См. Н. С. Поспелов, Соотношение между грамматическими категориями и частями речи...

5. Связи между частными грамматическими категориями различных частей речи по общности или сходству грамматического значения этих категорий. Так, несомненная связь между категориями падежа, рода и числа в именах прилагательных и причастиях; эта связь опирается на сходство соответствующих грамматических значений и не распространяется на категорию падежа, числа и рода имен существительных.

6. Связи между частными грамматическими категориями различных частей речи по зависимости грамматического значения этих категорий. В качестве примера этого типа зависимости частных грамматических категорий можно назвать зависимость между категориями рода, числа, падежа имен существительных, с одной стороны, и имен прилагательных и причастий — с другой.

7. Связи между частными грамматическими категориями внутри одной и той же части речи. Здесь можно было бы указать на взаимодействие вида, залога и времени, времени и наклонения в глаголе, числа и рода в имени существительном, качественности-относительности и степеней сравнения в имени прилагательном и т. п.

Даже это беглое и далеко не полное перечисление типов грамматической связи и зависимости между различными грамматическими категориями говорит о том, насколько разнообразны и сложны взаимодействия в области грамматического строя. Картина еще более осложнится, если принять во внимание то обстоятельство, что различные типы связей и их разновидностей отнюдь не одинаковы по их генезису, характеру, степени отвлечения от лексик, глубине абстракции и другим признакам.

Так, например, очевидно, что далеко не все типы связей между грамматическими категориями отражают глубинные зависимости между ними: связи третьего, четвертого и остальных типов менее глубоки по сравнению со связями первого и второго типов и являются лишь своеобразным выявлением этих последних.

Можно указать и на то, что связь между именем существительным, именем прилагательным, местоимением, числительным и причастием, проявляющаяся в наличии у всех этих частей речи категорий падежа, оказывается, по существу, лишь внешней, вторичной формой выявления более глубоких и прочных связей между частями речи. Понятно поэтому, что категория падежа оказывается своеобразной в каждой из этих пяти частей речи, и связи через эту категорию между существительными и прилагательными, прилагательными и причастиями, существительными и числительными, числительными и причастиями и т. д. также оказываются однородными лишь внешне, но не внутренне.

Категория падежа в именах существительных и местоимениях-существительных однородна и отражает отношение предмета к другим предметам, а также к процессам и качествам-свойствам. Обнаруживается несомненное грамматическое сходство основного значения существительных и местоимений-существительных, объясняемое, возможно, генетическим тождеством.

Та же самая категория падежа в именах существительных и именах прилагательных резко различна: ведь падеж прилагательного своим грамматическим значением отражает не отношение предмета к другому предмету (или процессу), а лишь связь признака с предметом, вступившим в то или иное отношение к другому предмету или процессу.

Таким образом, наличие в ряде частей речи общей для них одноименной грамматической категории вовсе еще не говорит об общности или сходстве грамматической природы соответствующих частей речи: оно может говорить и о прямо противоположном — о резких качественных различиях существенных, глубинных сторон таких частей речи, которые внешне объединены одной и той же по имени частной грамматической категорией.

Поэтому утверждение Н. С. Поспелова об объединяющей функции таких категорий, как падеж, род, число, время, справедливо лишь частично: оно верно применительно к наблюдению формальных показателей одноименной грамматической категории в разных частях речи, но оно неверно применительно к истолкованию внутренних связей между частными и общими грамматическими категориями. Внутренне, по языковой природе своей, такие категории, как падеж, род, число, время, не столько объединяют различные части речи, сколько выражают совершенно различные связи и взаимозависимости между ними. И, конечно, не в интересах науки не замечать глубокого внутреннего различия одноименных грамматических категорий в разных частях речи.

Если в грамматической категории видеть единство грамматического значения и формально-грамматических средств, то нельзя не замечать того, что категории падежа, рода, числа в имени существительном и в имени прилагательном — это совершенно различные категории, хотя и имеющие одно и то же имя в силу своей яркой и сильной связи в языке и речи. Категория рода в имени прилагательном и категория рода в глаголе — это, по существу, также различные категории, хотя и не лишенные известного сходства в своем отношении к категории рода в имени существительном. Категория времени в глаголе и категория времени в кратких прилагательных, конечно, также не представляют собой единой категории. Но, с другой стороны, категории падежа в име-

ни существительным и в местоимениях-существительных могут рассматриваться как нечто единое, и это их единство заключено прежде всего в общности их надежных значений. Точно так же категория падежа в именах прилагательных, причастиях и порядковых числительных действительно одина по своему грамматическому значению и выявляет одинаковое или, во всяком случае, сходное отношение соответствующих частей речи к действительности, друг к другу и к имени существительному.

Изучение внутренних качественных различий между грамматическими категориями, основными и сопутствующими, разнородными и однородными, не менее необходимо для понимания действительных взаимосвязей между ними, чем наблюдение внешнего их объединения сходными формально-грамматическими признаками.

В статье Н. С. Поспелова, как и в некоторых других работах, опубликованных в последние годы, остро поставлена проблема различия в степени (или в ступени) абстракции, закрепленной различными грамматическими категориями. Эта проблема выдвигается насущными задачами изучения грамматического строя и законов его развития; ее решение способствовало бы более глубокому пониманию природы грамматических категорий, их взаимосвязи, их отношения к лексике и миру реальной действительности, их глубокого отличия от категорий логических, которые тоже представляют собой результат абстрагирующей деятельности мысли.

Первоочередными представляются следующие две задачи: исследование своеобразия типов грамматической абстракции, различающихся степенью и характером отвлечения от лексического материала, и изучение качественного отличия абстракций грамматических от абстракций логических.

Если правильно то, что грамматические значения суть всегда отвлечения, абстракции от значений лексических, закрепленные и выраженные в тех или иных формально-грамматических показателях, то, по видимому, о степени отвлеченности грамматических категорий можно судить лишь по тому, насколько сильно и насколько ярко обнаруживается их зависимость от лексического материала.

Принимая во внимание именно этот показатель степени грамматической абстракции, можно наметить следующие типы грамматического абстрагирования — в самом схематичном виде и применительно лишь к фактам русского языка:

1. Грамматические абстракции, сохраняющие очевидную зависимость от лексики. Они закрепляются за так называемыми лексико-грамматическими категориями — вещественности, отвлеченности, собранности, возвратности, взаимности и др. Абстракции этого типа имеют очень ясную связь с действительностью и нередко непосредственно с ней соотносятся; аффиксы, выступающие в роли формальных показателей таких категорий, отчетливо выражают не только грамматическое, но и лексическое значение, которые здесь не противопоставлены сколько-нибудь отчетливо.

2. Грамматические абстракции, сохраняющие скрытую, но легко выявляемую связь с лексикой. Они закреплены за всеми самостоятельными частями речи и очень многими сопутствующими категориями. Их связь с действительностью очевидна, хотя, как правило, и не допускает прямого соотнесения; формальные показатели соответствующих категорий имеют грамматическое значение; лексические и грамматические значения отчетливо противопоставлены друг другу. Таковы абстракции, выражаемые категориями падежа, числа, вида, залога, времени и т. п.

3. Грамматические абстракции, частично или полностью утратившие выявляемую в современном языке связь с лексикой. Грамматические значения соответствующих категорий частично или полностью формализованы. Таковы абстракции, закрепленные категориями спряжения, типов склонения, глагольных классов, категорией рода¹.

4. Грамматические абстракции, частично или полностью поглотившие лексику, лексические значения слов. Противопоставление грамматических и лексических значений в соответствующих категориях оказывается слабым из-за неопределенности лексического значения. Соотнесенность с действительностью сохраняется и, как правило, достаточно ясно осознается. К числу таких категорий в современном русском языке относятся местоимения, предлоги, союзы, связки, частицы; тот же тип абстракции можно усматривать и в развитии различных аффиксов.

Таким образом, одни типы грамматической абстракции развиваются на основе сохраняющегося лексического содержания, другие — на основе поглощения его грамматическими значениями. По широте охвата лексического материала и глубине проникновения в его значения грамматические абстракции также неодинаковы. Различны они и по характеру соотнесенности с категориями действительного материального мира.

¹ Последняя лишь по какому-то недоразумению иногда рассматривается как имеющая заметную связь с действительностью: значения, отражающие половые различия, исторически никакого отношения к категории рода не имеют, за исключением разве того, что влились в родовые формы имени.

Определение степени абстрагированности тех или иных грамматических категорий от лексического материала требует большой работы по наблюдению и обобщению фактов. Оно требует и самого пристального внимания к проблеме отличий грамматической абстракции от абстракции логической. Ведь нельзя не учитывать того очевидного факта, что логическая абстракция осуществляется на базе лексического значения слова и выражается в нем; грамматическая же абстракция осуществляется на базе ряда или класса лексических значений и выражается в общности типовых формально-грамматических показателей в словах. И если логическая абстракция развивается в процессе познания действительности, то грамматическая абстракция развивается в процессе речевого общения; логическая абстракция представляет собой отвлечение от предметов и явлений действительности, а грамматическая абстракция — отвлечение от словесных лексических значений; в формировании логических абстракций очень заметна роль личности, хотя и здесь она не является ни определяющей, ни ведущей; в формировании грамматических абстракций роль личности никак не выражена, грамматика всегда была и остается результатом общепородной мыслительной деятельности.

В. П. Головин

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД КАТЕГОРИЕЙ ЛИЦА В ПАМЯТНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА СТАРШЕЙ ПОРЫ

Вопрос об употреблении в определенных случаях формы родительного падежа в значении винительного падежа прямого дополнения (*вижу сына, жду Петра*) довольно часто привлекал к себе внимание исследователей.

Этим явлением интересовались специалисты по старославянскому языку, поскольку оно известно старославянским памятникам старшей поры. Историки русского языка неоднократно занимались вопросом об употреблении родительного падежа в значении винительного при изучении генезиса категории одушевленности, возникновение и оформление которой характерно для истории русского языка, поскольку здесь, как известно, складываются своеобразные закономерности ее существования.

При этом следует отметить, что в современных работах и учебных пособиях по истории русского языка в наибольшей степени распространено такое объяснение происхождения категории одушевленности, при котором предпологается, что замена винительного падежа формой родительного первоначально происходила у существительных, обозначающих «общественно полноправных», «свободных» лиц.

Положение о первоначальном развитии родительного-винительного у существительных, обозначающих лиц общественно полноправных, проникло и в программу по исторической грамматике русского языка. Все эти обстоятельства побуждают автора данной заметки еще раз обратиться к памятникам старшего периода русского языка и проследить употребление в них формы родительного падежа в значении винительного, а также и те случаи, где имеется сохранение формы винительного падежа, которая равна именительному у существительных, обозначающих категорию лица. Соответствующий материал, который в дальнейшем подвергается анализу, взят нами главным образом из таких трех памятников, как «Русская Правда» (краткая и пространная редакции), «Поучение Мономаха» и «Слово о полку Игореве»¹, причем из этих памятников полностью извлечены все примеры, относящиеся к изучаемому явлению. Для рассмотрения мы выделяем прежде всего материал, который характеризует употребление существительных, обозначающих лиц мужского рода в единственном числе.

1. Употребление в качестве прямого дополнения форм существительных, которые безусловно обозначают социально неполноправных лиц, т. е. таких, как *холоп, смерд, челядин, закуп* (наемный работник).

Из числа подобных существительных слово *холоп* представлено в «Русской Правде» и в форме винительного падежа равной родительному (три случая), и в форме винительного равной именительному падежу (шесть случаев):

«Аже кто кренеть чюжь *холоп* не ведая, то первому господину *холоп* поняти...» (статья 118, стр. 733).

¹ «Правда русская». II — Комментарии, под ред. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1947 (Ин-т истории АН СССР); «Поучение Мономаха» и «Письмо Мономаха Олегу Святославичу» — в кн.: А. С. Орлов, Владимир Мономах, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946; «Слово о полку Игореве», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.